

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ВОЛЬТЕР

СВОБОДА -
ЗДОРОВЬЕ
ДУШИ

КАК НЕ СТАТЬ
ИДИОТИЧЕСКОЙ
НАЦИЕЙ

ЖАН-ЖАК
РУССО

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер
Жан-Жак Руссо
Свобода – здоровье души. Как
не стать идиотической нацией
Серия «Философский поединок»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67319489

*Вольтер. Ж.-Ж. Руссо. Свобода – здоровье души. Как не стать идиотической нацией: ООО «Издательство Родина»; Москва; 2022
ISBN 978-5-00180-381-2*

Аннотация

«Я не согласен ни с одним словом, которое вы говорите, но готов умереть за ваше право это говорить» – высказывание, приписываемое Вольтеру, действительно могло бы стать девизом его творчества. Философ, писатель и публицист, Вольтер (1694–1778) считал, что свобода для души так же важна, как здоровье для тела. Самое опасное, по его мнению, если в обществе устанавливаются законы, «препятствующие писать, говорить и даже думать»: в этом случае люди впадают в духовное рабство, а нация делается «идиотической, малодушной и варварской».

Жан-Жак Руссо (1712–1778) был оппонентом Вольтера в вопросе о свободе. Руссо считал, что личная свобода может

быть ограничена для общественной пользы, но лишь при условии соблюдения «общественного договора», когда в государстве действуют справедливые законы, перед которыми равны все граждане. Если же государство не соблюдает этот договор, отказаться от свободы «значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от ее обязанностей».

В книге представлены основные произведения Вольтера и Руссо, посвященные этому вопросу.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Свобода – здоровье души	6
Свободен ли человек?	7
Свобода воли	7
Человек как общественное существо	12
О добродетели и пороке	17
О государстве	29
Об английском парламенте	29
О правительстве	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вольтер, Жан-Жак Руссо Свобода – здоровье души. Как не стать идиотической нацией

© Перевод с французского Н. Болдырева (под редакцией),
А. Хаятина, В. Алексеева-Попова и др., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Свобода – здоровье души

Вольтер

Свободен ли человек?

(из «Метафизического трактата»)

Свобода воли

Быть может, не существует вопроса более простого, чем вопрос о свободе воли; но нет и вопроса, по поводу которого люди бы больше путались. Затруднения, которыми философы усеяли эту почву, и дерзость, с которой они постоянно стремились вырвать у Бога его секрет и примирить его провидение со свободой воли, стали причиной того, что идея этой свободы была затемнена именно в силу стараний ее разъяснить. Люди настолько привыкли не произносить это слово без того, чтобы тотчас же не вспомнить обо всех сопровождающих его затруднениях, что теперь почти не понимают друг друга, когда поднимают вопрос, свободен ли человек.

Здесь более не стоит прятаться за маску одаренного разумом существа, не являющегося человеком, которое непредвзято исследует, что представляет собой этот последний; напротив, здесь необходимо, чтобы каждый человек заглянул в самого себя и отдал себе отчет в своем собственном чувстве.

Прежде всего, очистим вопрос от всех химер, которыми привыкли его засорять, и определим, что мы понимаем под

словом свобода. Свобода – это исключительная возможность действовать. Если бы камень передвигался по собственному произволу, он был бы свободен; животные и люди обладают этой возможностью, значит, они свободны. Я могу сколько угодно оспаривать эту способность у животных; я могу вообразить, если пожелаю злоупотребить своим разумом, будто животные, во всем остальном похожие на меня, отличаются от меня в одном только этом пункте. Я могу воспринимать их как механизмы, не имеющие ни ощущений, ни желаний, ни воли, хотя, по всей видимости, они их имеют. Я могу измыслить системы, или, иначе, иллюзии, чтобы объяснить их природу; но в конце концов, когда речь пойдет о том, чтобы спросить самого себя, для меня станет совершенно необходимым признать: я обладаю волей, мне присуща способность действовать, передвигать мое тело, прилагать усилия моей мысли к тому или иному соображению и т. д. Изъявлять свою волю и действовать – это именно и означает иметь свободу.

На каком основании люди могли вообразить, будто не существует свободы? Вот причины этого заблуждения: сначала было замечено, что мы часто бываем охвачены неистовыми страстями, увлекающими нас вопреки нам самим. Человек хотел бы не любить свою неверную возлюбленную, но его вожделения, более сильные, чем его разум, приводят его обратно к ней; порывы неудержимого гнева увлекают его к насильственным действиям; мы стремимся к спокойному образу жизни, но честолюбие швыряет нас в сумятицу дел.

Эти зримые кандалы, которыми мы скованы почти всю нашу жизнь, заставляют нас думать, будто мы таким же образом скованы во всем остальном; из этого был сделан вывод: человек бывает стремительно увлекаем жестокими и волнующими его потрясениями; в иное время им руководит поступательное движение, над которым он больше не властен; он раб, не всегда ощущающий тяжесть и позор своих цепей, и все же он всегда раб.

Рассуждение это, представляющее собой не что иное, как логику человеческой слабости, полностью напоминает следующее: люди иногда болеют, значит, они никогда не бывают здоровы.

Однако кому не бросится в глаза грубость этого вывода? Кто не заметит, наоборот, что чувство нездоровья является несомненным свидетельством того, что ранее человек был здоров, точно так же как ощущение рабской зависимости и собственной немощи неопровержимо доказывает, что раньше этот человек имел и свободу и силу?

* * *

Свобода – здоровье души; мало кто обладает этим здоровьем в полной и неизменной мере. Свобода наша слаба и ограничена, как и все наши остальные способности. Мы укрепляем ее, приучая себя к размышлениям, и это упражнение души делает ее несколько более сильной. Но какие бы

мы ни совершали усилия, мы никогда не добьемся того, чтобы наш разум стал хозяином всех наших желаний; у нашей души, как и у нашего тела, всегда будут произвольные побуждения. Мы свободны, мудры, сильны, здоровы и остроумны лишь в очень небольшой степени. Удовольствуемся же долей, соответствующей месту, занимаемому нами в природе. Но не будем воображать, будто нам недостает именно вещей, приносящих нам наслаждение, и не станем из-за этого отrekаться от способностей человека.

В разгар бала или оживленной беседы или же в печальное время болезни, отягчающей мою голову, я могу как угодно изыскивать, сколько составит одна тридцать пятая часть от девяносто пяти третей с половиной, умноженных на двадцать пять девятнадцатых и три четверти: я не располагаю свободой, необходимой мне для подобного подсчета. Но немножко сосредоточенности вернет мне эту способность, утраченную в суматохе. Таким образом, даже самые решительные противники свободы вынуждены бывают признать, что мы обладаем волей, подчиняющей себе иногда наши чувства.

Однако эта воля, говорят они, необходимо предопределена, подобно чаше весов, всегда опускающейся под воздействием большей тяжести; человек стремится лишь к наилучшему суждению; его сознание не вольно считать нехорошим то, что ему представляется хорошим. Разум действует в силу необходимости, воля же детерминирована разумом; та-

ким образом, воля детерминирована абсолютной волей и человек не свободен.

Аргумент этот, кажущийся совершенно неотразимым, однако по сути своей являющийся софизмом, ввел в заблуждение большинство людей, ибо люди почти всегда лишь смутно представляют себе предмет своих исследований.

Ошибка данного рассуждения состоит в следующем. Человек, разумеется, может желать лишь тех вещей, идеи которых у него есть. Он не мог бы иметь желания пойти в оперу, если бы не имел об опере представления; и он не стремился бы туда пойти и не принимал бы такого решения, если бы его сознание не являло ему данный спектакль как нечто приятное. Но именно в этом-то и состоит его свобода: она заключена в том, что он может сам по себе принять решение поступить так, как ему кажется хорошим; желать же того, что не доставляет ему удовольствия, было бы форменным противоречием, и потому это невозможно.

Человек определяет себя к поступку, кажущемуся ему наилучшим, и это неопровержимо; суть вопроса, однако, заключается в том, чтобы понять, присуща ли ему такая движущая сила, такая первичная способность решать за себя или не принимать решения. Те, кто утверждает: одобрение разума необходимо, и оно необходимо детерминирует волю, предполагают, что ум физически воздействует на волю. Они говорят очевидный вздор: ведь они допускают, что мысль — крохотное реальное существо, реально воздействующее на

другое существо, именуемое волей; при этом они не думают о том, что слова эти — воля, сознание и т. д. — суть не что иное, как отвлеченные идеи, изобретенные для внесения ясности и порядка в наши рассуждения и означающие всего только мыслящего и валящего человека. Таким образом, сознание и воля не существуют реально в качестве различных сущностей, и грубо ошибочно говорить, будто одна из них воздействует на другую.

Если эти люди не предполагают, что ум физически воздействует на волю, они вынуждены говорить либо что человек свободен, либо что за человека действует Бог, его детерминирующий и постоянно занятый тем, чтобы его обмануть; в этом случае они, по крайней мере, признают свободу за Богом. Если Бог свободен, то свобода возможна и человек может ее иметь. Таким образом, у них нет никаких оснований утверждать, будто человек не свободен.

Они могут сколько угодно твердить, будто человек детерминирован удовольствием; сами того не замечая, они тем самым признают его свободу: ведь делать то, что доставляет удовольствие, — значит быть свободным.

Человек как общественное существо

Великим замыслом Творца природы было, как кажется, сохранение [бытия] каждого индивида на определенный срок и непрерывное продолжение его рода. Неодолимый ин-

стинкт увлекает любое живое существо ко всему тому, что способствует его сохранности. При этом есть моменты, когда он увлекается почти столь же сильным инстинктом к соитию и размножению, хотя мы и вовсе не знаем, каким образом все это происходит.

Самые дикие и живущие в одиночестве звери выходят из своих нор, когда их призывает любовь, и в течение нескольких месяцев ощущают себя связанными незримыми звеньями с самками и рождающимися от них детенышами, после чего они забывают об этой мимолетной семейной связи и возвращаются к своему свирепому одиночеству вплоть до того самого времени, пока жало любви не заставит их выйти из него снова. Другие виды созданы природой для постоянного совместного существования: одни, такие, как пчелы, муравьи, бобры и отдельные виды птиц, — для жизни в действительно цивилизованном сообществе, другие, такие, как стадные животные на земле и сельди в море, собираются вместе лишь в силу более слепого инстинкта, объединяющего их без видимого намерения и цели.

Разумеется, человека его инстинкт не толкает к образованию культурных сообществ, как у муравьев и пчел; но если взглянуть на его потребности, его страсти и разум, сразу становится ясным, что он не мог долго оставаться совсем в диком состоянии.

Для того чтобы вселенная стала такой, какой она является ныне, достаточно было, чтобы мужчина полюбил женщину.

Их взаимная друг о друге забота и естественная любовь к своим детям должны были тотчас же разбудить их трудолюбие и дать начало примитивным росткам искусств. Две семьи, как только они образовались, должны были испытывать друг в друге потребность, а из этих потребностей рождались новые удобства.

Человек не походит на других животных, имеющих лишь инстинкт любви к себе и соития; он обладает не только такой любовью к себе, не обходимой для самосохранения, но для его вида характерна и естественная благожелательность, совсем не замеченная у животных.

Когда собака, пробегая мимо, видит щенка той же матери разодранным на кусочки и истекающим кровью, она может сожрать один из этих кусков, не испытывая притом ни малейшего сострадания, и затем продолжать свой путь; но та же самая собака будет защищать своего щенка и скорее умрет в этой борьбе, чем потерпит, чтобы его у нее отняли.

Наоборот, когда самый дикий человек видит, что прелестного ребенка вот-вот сожрет какой-то зверь, он наперекор самому себе испытывает некое беспокойство, тревогу, порождаемую состраданием, желание прийти ребенку на помощь. Правда, это чувство сострадания и доброжелательства бывает часто задушено в нем неистовой любовью к себе; итак, мудрая природа не должна была дать нам большую любовь к другим людям, чем к самим себе; достаточно уже и того, что нам свойственна та доброжелательность, которая

настраивает нас на единение с другими людьми.

Однако доброжелательность эта довольно слабо содействовала бы тому, чтобы заставить людей жить в обществе; она никогда не смогла бы послужить основанием великих империй и процветающих городов, если бы нам вдобавок не были свойственны великие страсти.

Страсти эти, злоупотребление которыми приносит поистине столько зла, в действительности являются первопричиной порядка, наблюдаемого нами сейчас на Земле. В особенности гордыня – главное орудие, с помощью которого было воздвигнуто прекрасное здание общества. Едва лишь настоятельные потребности объединили между собой несколько человек, как наиболее ловкие среди них поняли, что всем этим людям от рождения присуща непомерная гордость, равно как и непобедимая склонность к благополучию.

Нетрудно было убедить их в том, что, если они совершат для блага всего общества нечто стоившее бы им небольшой потери благополучия, гордость их была бы за это с избытком вознаграждена.

* * *

Итак, в добрый час люди были разделены на два класса: первый – люди божественные, жертвующие своим себялюбием благу общества; второй – подлый сброд, влюбленный лишь в самого себя; весь свет хотел и хочет в наше время

принадлежать к первому классу, хотя весь свет в глубине души принадлежит ко второму; самые трусливые люди, наиболее приверженные своим собственным вожелениям, громче других вопили, что надо жертвовать всем во имя благополучия общества.

Страсть повелевать, являющаяся одним из ответвлений гордыни и столь же явно заметная в ученом педанте и в деревенском балыи, сколь в папе и в императоре, еще более мощно возбудила людскую изобретательность, направленную на то, чтобы подчинить людей другим людям; оставалось лишь ясно показать им, что другие люди лучше умеют повелевать, чем они, и могут им быть полезны.

Особенно нужно было пользоваться их алчностью, дабы купить их повиновение. Им нельзя было много дать, не беря от них многого взамен, и это неистовое приобретательство земных благ с каждым днем добавляло новые успехи к процветанию всех видов искусств.

Механизм этот не получил бы столь сильного развития без содействия зависти, весьма естественной страсти, всегда маскируемой людьми именем «соревнование». Зависть эта разбудила от лени и возбудила дух каждого, кто видел, что его сосед могуществен и счастлив. Так, мало-помалу одни лишь страсти объединили людей и извлекли из недр земных все искусства и удовольствия.

Итак, совершенно ясно, что мы обязаны нашим страстям и потребностям этим порядком и всеми полезными изобре-

тениями, которыми мы обогатили вселенную. Если же многие люди ими злоупотребляют, то нам не следует сетовать на добро, которое люди обращают во зло. Бог удостоил одарить Землю и человека тысячами отменных деликатесов; и чревоугодие тех, кто превратил эту пищу в смертельный для себя яд, не может служить основанием для упреков по адресу провидения.

О добродетели и пороке

Для того чтобы общество существовало, нужны были законы, подобно тому как любая игра нуждается в правилах. Большинство законов имеет видимость произвольных: они зависят от интересов, страстей и мнений тех, кто их придумал, и от характера климата местностей, где люди объединились в общество. В жаркой части света, где вино вызывало горячку, сочли за лучшее вменить привычку к нему в преступление; в других, более суровых климатах опьянение считается почетным. Здесь мужчина должен довольствоваться одной женщиной, там ему разрешено иметь их столько, скольких он может прокормить. А еще в других странах отцы и матери умоляют иностранцев снизойти до того, чтобы переспать с их дочерьми; впрочем, всюду девушка, отдавшаяся мужчине, считается обесчещенной. В Спарте поощрялось прелюбодеяние, в Афинах оно каралось смертью. В Риме отцы обладали правом распоряжаться жизнью и смертью своих

детей. В Нормандии отец не имеет права лишить ни гроша своего самого непокорного из сыновей. Имя короля священно для большинства народов и омерзительно для остальных.

Но все эти народы, чье поведение столь различно, бывают единокорны в одном: они называют добродетельным то, что соответствует учрежденным ими законам, и преступным то, что их нарушает. Так, в Голландии человек, восставший против самоуправства властей, будет весьма добродетельным человеком; а тот, кто пожелает учредить во Франции республиканское правление, будет присужден к высшей мере наказания. Один и тот же еврей, который в Меце был бы отправлен на галеры за двоеженство, в Константинополе мог бы иметь четырех жен и был бы за это высоко чтим мусульманами.

Большинство законов так явно себе противоречат, что мало имеет значения, какими именно законами управляется государство; но действительно большое значение имеет выполнение раз принятых законов. Подобным же образом не существует никакой последовательности в тех или иных правилах игры в кости или карты; но нельзя ни минуты участвовать в этих играх, если не соблюдать самым суровым образом те произвольные правила, о которых условились.

* * *

Добродетель и порок, моральные добро и зло во всех стра-

нах являются тем, что полезно либо вредно обществу; во всех местностях в любые времена именно тот, кто более всего жертвовал в пользу общества, считался наиболее добродетельным. Таким образом, представляется, что добрые дела – не что иное, как дела, из которых мы извлекаем для себя преимущество, преступления же – дела, нам противопоказанные. Добродетель – привычка совершать дела, угодные людям; порок – привычка делать то, что им неприятно.

Хотя именуемое добродетелью в одном климате бывает именно тем, что называют пороком в другом, и большинство правил о добре и зле различаются между собой так же, как языки и одежда, тем не менее мне представляется несомненным, что существуют естественные законы, с которыми люди всего мира должны быть согласны, вопреки тем законам, что у них есть. К примеру, доброжелательность по отношению к себе подобным родилась вместе с нами и продолжает всегда в нас действовать, по крайней мере, до тех пор, пока ее не побеждает любовь человека к себе, которой всегда дано ее одолеть. Таким образом, человек всегда склонен помочь другому человеку, когда это ему ничего не стоит. Самый грубый дикарь, возвращающийся с резни и пресыщенный кровью съеденных им врагов, будет тронут при виде страданий своего сотоварища и окажет ему всю зависящую от него помощь.

Прелюбодеяние и педерастия разрешены среди многих наций, но вы не найдете ни одной, где было бы дозволено

нарушать свое слово, ибо общество может существовать при супружеских изменах и любви между мальчиками, но оно немыслимо среди людей, похваляющихся тем, что они друг друга обманывают.

В Спарте мелкая кража была в чести, потому что все богатство было общественным, но с того момента, как вы устанавливаете свое и мое, для вас становится невозможным рассматривать воровство иначе, как антиобщественное деяние, а следовательно, и как несправедливое.

Благо общества столь несомненно является единственной мерой нравственного добра и зла, что мы вынуждены бываем в случае нужды изменять все наши идеи, созданные нами себе относительно справедливого и несправедливого.

Мы испытываем отвращение к отцу, живущему как мужчина со своей собственной дочерью, и оскорбляем кличкой кровосмесителя брата, насилующего свою сестру, но, когда речь идет о молодой колонии, где не остается никого, кроме отца, имеющего сына и двух дочерей, мы считаем весьма достойным делом заботу, которую берет на себя эта семья, чтобы не дать погибнуть роду.

Брат, убивающий брата, – чудовище; однако брат, не имеющий иного средства спасти свою родину, как принести в жертву другого брата, считался бы человеком божественным.

Все мы любим истину и делаем из этой любви добродетель, ибо в наших собственных интересах – не подвергать-

ся обману. Мы связываем тем большее бесчестье с ложью, что из всех скверных поступков ее легче всего скрыть и наименьших усилий стоит ее предпринять; однако в сколь многих случаях ложь оказывается героической! Например, если речь идет о спасении друга, тот, кто в этом случае скажет правду, покроет себя позором; при этом мы не делаем никакого различия между человеком, оклеветавшим невинного, и братом, имеющим возможность спасти жизнь своему брату при помощи лжи, но предпочитающим его предать, говоря правду.

Однако, скажут мне, ведь преступление и добродетель, нравственные благо и зло существуют только по отношению к нам; значит, не бывает блага самого по себе, независимо от человека? Я же спрошу у тех, кто задает этот вопрос, существуют ли холод и жара, сладость и горечь, хороший и скверный запахи иначе, чем по отношению к нам? Не правда ли, человек, который утверждал бы, будто жара существует сама по себе, явил бы себя весьма комичным мыслителем? И почему те, кто утверждает, будто нравственное добро существует независимо от нас, рассуждают лучше? Наше физическое благо и зло не имеют иного существования, как по отношению к нам; почему же наше моральное благо и зло должны представлять собой иной случай?

Многие здесь готовы мне возразить: а если я решу, что благополучие мое состоит в том, чтобы расстроить ваше общество, убить, украсть, оклеветать, меня ведь ничто от этого не удержит и я смогу без зазрения совести предаться своим страстям! Для подобных людей у меня нет иного ответа, кроме того, что они будут повешены, точно так же как я велел бы убить волков, которые вздумали бы украсть моих овец; именно для таких людей и устанавливаются законы, подобно тому как черепичные кровли были изобретены против града и дождя.

Что касается государей, в руках у которых сосредоточена сила и которые злоупотребляют ею, чтобы опустошать мир, которые посылают на смерть одну часть людей и ввергают в нищету другую, то это вина самих людей, терпящих подобные свирепые расправы, часто почитаемые ими даже под именем доблести; они должны упрекать во всем этом одних лишь себя и негодные законы, учрежденные ими, либо недостаток у себя смелости, мешающий им заставить других исполнять законы хорошие.

Все эти государи, причинившие столько зла людям, первые кричат о том, что Бог дал нам правила добра и зла. Среди этих бичей земных нет ни одного, кто не свершал бы самые торжественные религиозные обряды; поэтому я не вижу

большого выигрыша для людей от наличия таких правил.

С человеческой природой сопряжено то несчастье, что вопреки нашему большому желанию себя сохранить мы неистово и безумно взаимно уничтожаем друг друга. Почти все животные пожирают друг друга, в человеческом же роде самцы истребляют друг друга в войне. Правда, кажется, Бог предвидел это бедствие и потому сделал так, что среди нас рождается больше мужчин, чем женщин: в самом деле, народы, более пристально заботившиеся об интересах нашего рода и составлявшие точные реестры рождений и смертей, сделали наблюдение, что, поскольку одно вызывает другое, мужчин ежегодно рождается на двенадцатую часть больше, чем женщин.

Из всего этого легко усмотреть большую вероятность того, что все эти убийства и грабежи пагубны для общества, но совершенно безразличны для божества. Бог послал на Землю людей и зверей, а уж от них самих зависит вести себя там наилучшим образом. Горе мухе, попавшей в паутину, раскинутую пауком! Горе волу, на которого нападает лев, и баранам, повстречавшим на своем пути волка! Но если бы баран вздумал сказать волку: тебе недостает нравственного блага, и Бог тебя покарает! – волк бы ему ответил: я пекусь о своем физическом благе, и, по всей видимости, Бога не слишком заботит, съем я тебя или нет. И самое лучшее, что остается делать барану, – это не удаляться от пастуха и собаки, которые могут его защитить.

Если бы небу было угодно, чтобы высшее бытие действительно дало нам законы и предназначило кары и воздаяния! Чтобы оно нам рекло: вот это – порок сам по себе, а это – сама по себе добродетель. Но мы столь далеки от обладания правилами добра и зла, что из всех тех, кто осмелился дать людям законы от имени Бога, нет ни одного, кто бы дал нам десятитысячную долю правил, в которых мы нуждаемся для нашего поведения в жизни.

Если кто-либо из всего этого заключит, будто не остается ничего иного, как безоглядно предаться всей исступленности своих необузданных вожделений, и будто, не имея в себе ни добродетели, ни порока, можно безнаказанно вершить что угодно, такому человеку надо сначала подумать, есть ли у него армия из ста тысяч солдат, вполне готовых к его услугам; хотя и в этом случае он очень рискует, объявляя себя, таким образом, врагом человечества.

Когда же этот человек – просто частное лицо, то, если у него есть хоть чуть-чуть разума, он поймет, что избрал весьма злую долю, и неминуемо будет наказан, будь то при помощи кар, мудро изобретенных людьми для врагов общества, или одним только страхом пред этими карами, каковой сам по себе есть достаточно жестокое наказание. Он увидит, что жизнь людей, бросающих вызов законам, обычно самая жалкая. Морально немыслимо, чтобы злодей не был узнан; с того самого момента, как на него падает лишь тень подозрения, он неминуемо замечает, что стал объектом презрения и от-

вращения. Но ведь Бог мудро одарил нас гордостью, для которой невыносимо, когда другие люди нас ненавидят и презирают; быть презируемым теми, вместе с кем мы живем, — этого никогда никто не мог и не сможет вынести. Быть может, это и есть самая сильная узда, накинута природой на человеческие несправедливости; Бог счел уместным связать людей этим взаимным страхом.

* * *

Итак, любой из людей разумно заключит, что явно в его интересах быть порядочным человеком. Знание человеческого сердца, которым он будет обладать, и убежденность, что ему не присущи сами по себе ни добродетель, ни порок, никогда не помешают ему быть добрым гражданином и выполнять свои жизненные обязанности.

Так, можно заметить, что философы (которых окрестили атеистами и вольнодумцами) во все времена были самыми порядочными людьми на свете. Не говоря здесь обо всех великих людях античности, известно, что Ламот Левайе, наставник брата Людовика XIII, Бейль, Локк, Спиноза, милорд Шефтсбери, Коллинз и т. д. были людьми суровейшей добродетели; при этом не один только страх перед людским презрением сделал их добродетельными, но и вкус к добродетели как таковой.

Вольтер. Портрет работы Николя де Ларжильера, 1724 год

Настоящее имя Франсуа-Мари Аруэ. Точное происхождение псевдонима «Вольтер» («Voltaire») неизвестно. Это может быть анаграмма «Arouet le j(eune)» – «Аруэ младший», или он поменял местами слоги в названии своего родного города Эрво: Airvault → vault-air → Voltaire. Псевдоним может происходить также от его детского прозвища «le petit volontaire».

Франсуа Мари Аруэ родился в семье чиновника, учился на юриста в колледже, однако предпочёл праву литературу. За сатирические стихи в адрес властей попал в Бастилию. Астрологи предсказали Вольтеру всего тридцать три года жизни: об этом в свои шестьдесят три года Вольтер записал: «Я назло обманул астрологов уже тридцатью годами, за что прошу покорно извинить меня».

Правильный ум бывает честным по той самой причине, по какой тот, чей вкус не извращен, предпочитает превосходное вино из Ньюиза вину из Бри и куропаток из Мана конине.

Разумное воспитание укрепляет подобные чувства в людях, и отсюда возникло всеобщее чувство, именуемое чувством чести, от которого не могут отделаться самые развращенные люди и которое является стержнем общества. А те, кто нуждается в поддержке религии для того, чтобы быть порядочными людьми, достойны всяческого сожаления; надо быть изгоями общества, чтобы не находить в самих себе чувств, необходимых для этого общества, и быть вынужденными заимствовать извне то, что должно быть присуще нам

по природе.

О государстве

(из «Философских писем»)

Об английском парламенте

Члены английского парламента любят сопоставлять себя при каждой возможности с древними римлянами.

Совсем недавно г-н Шиппинг начал свою речь в палате общин следующими словами: «Величие английского народа были бы поправно и т. д.». Необычность такого способа выражения вызвала громовой хохот; однако Шиппинг, ничуть не смутившись, твердо повторил те же слова, и смеха уже не последовало.

Признаюсь, я не усматриваю ничего общего между тем и другим правлением; правда, в Лондоне существует сенат, членов которого подозревают (несомненно, ошибочно) в том, что они при случае продают свои голоса точно так же, как это делалось и Риме. Вот и все сходство, во всем же остальном два этих народа представляются мне в корне различными, будь то в хорошем или дурном.

Риму была совершенно неведома ужасающая нелепость религиозных войн, гнусность эта была сохранена для благочестивых проповедников самоуничтожения и терпения. Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, Антоний и Август сражались

вовсе не из-за спора о том, должны ли фламины носить свое облачение поверх тоги или под ней, а священные цыплята, для того чтобы предзнаменования были верны, есть и пить или же только есть. Англичане, наоборот, готовы повесить друг друга во имя своих устоев и истребляли друг друга в боевом строю из-за споров подобного рода. Епископальная церковь и пресвитерианство на определенный период заставили этих серьезных людей потерять головы. Я представляю себе, что подобных глупостей более там не случится; горький опыт, кажется мне, их умудрил, и я не замечаю у них больше ни малейшего желания лезть на рожон из-за силлогизмов.

А вот и еще более существенное различие между Римом и Англией, полностью говорящее в пользу этой последней, а именно, плодом гражданских войн в Риме было рабство, плодом английских смут – свобода. Английская нация – единственная на Земле, добившаяся ограничения королевской власти путем сопротивления, а также установившая с помощью последовательных усилий то мудрое правление, при котором государь, всемогущий, когда речь идет о благих делах, оказывается связанным по рукам и ногам, если он намеревается совершить зло; при котором вельможи являются грандами без надменности и вассалов, а народ без смут принимает участие в управлении.

Палата лордов и палата общин являются посредниками нации, король верховным посредником. Этого равновесия недоставало римлянам, вельможи и народ постоянно были

там между собой разделены, причем отсутствовала посредническая власть, которая могла бы устанавливать между ними согласие.

Римский сенат, исполненный несправедного и достойного кары чванства, мешавшего ему хоть чем-нибудь поступиться в пользу плебеев, владел единственным в своем роде секретом, помогавшим ему отстранять их от правления, а именно: он постоянно занимал плебеев внешними войнами. Сенаторы смотрели на народ как на дикого зверя, которого необходимо было натравливать на соседей, дабы он не пожрал своих господ; так величайший порок правления римлян сделал из них завоевателей: поскольку они были неудачливы у себя дома, они стали господами мира, пока в конце концов их раздоры не сделали их рабами.

Правление Англии не создано ни для столь величавого блеска, ни для столь мрачного конца; цель его вовсе не в блистательной глупости завоеваний, наоборот, цель эта состоит в том, чтобы такое завоевание не совершили ее соседи; народ этот ревниво блюдет не только свою свободу, но и свободу других народов. Англичане ожесточились против Людовика XIV единственно потому, что они приписывали ему честолюбивые чаяния. Они пошли на него войной просто так, без какой бы то ни было особой заинтересованности.

Без сомнения, установить свободу в Англии стоило недешево. Идол деспотической власти был потоплен в морях крови: однако англичане вовсе не считали, что они слишком дорого заплатили за достойное законодательство. Другие нации пережили не меньше смут и пролили не меньшее количество крови; но кровь эта, которую они проливали за дело своей свободы, только крепче сцементировала их рабство.

То, что стало в Англии революцией, в других странах было не более как мятежом: какой-нибудь город – будь то в Испании. Берберии или Турции становится под ружье во имя защиты своих привилегий, и тотчас же его подавляют наемные солдаты, палачи вершат казни, а оставшейся в живых части нации остается лишь целовать свои цепи. Французы считают, что правление на этом острове более бурно, чем море, омывающее его берега, и это верно; но происходит это лишь тогда, когда король сам вздымает бурю, когда он хочет стать хозяином судна, на котором он всего только главный кормчий. Гражданские войны во Франции были продолжительнее, ожесточеннее и изобильнее преступлениями, чем такие же войны в Англии; но ни одна из этих гражданских войн не имела своей целью мудрую свободу.

Более всего во Франции ставят в упрек англичанам казнь Карла I, хотя его победители поступили с ним так, как по-

ступил бы с ними он сам, если бы был удачлив.

Наконец, взгляните, с одной стороны, на Карла I, побежденного в честном бою, взятого в плен, судимого и осужденного в Вестминстере, а с другой – на императора Генриха VII, отравленного своим капелланом во время причастия, на Генриха III, убитого монахом – орудием ярости целой партии, а также на тридцать убийств, замышлявшихся против Генриха IV, причем несколько покушений было осуществлено, и последнее из них лишило, наконец, Францию этого великого короля. Взвесьте все эти преступления и судите сами.

О правительстве

Счастливым это сочетание в правлении Англии, это согласие, существующее между общинами, лордами и королем, было не всегда. Английская земля долго оставалась рабыней – римлян, саксов, датчан, французов. Особенно Вильгельм Завоеватель правил железной рукой, он распоряжался жизнью и состоянием своих новых подданных, словно восточный монарх. Он запретил под страхом смерти всем без исключения англичанам разжигать огонь и освещать свои дома после восьми часов вечера, и они не смели этого делать, хотя оставалось непонятным, стремился ли он таким образом предупредить возможность ночных сборищ или же решил при помощи столь нелепого запрета доказать, как велика может быть власть одного человека над другими.

Правда, до и после Вильгельма Завоевателя англичане имели парламенты, и они этим похваляются, словно собрания эти, именовавшиеся и тогда парламентами и состоявшие из церковных тиранов и мародеров, называвших себя баронами, были стражами свободы и общественного благополучия.

Варвары, хлынувшие с берегов Балтийского моря на прочую часть Европы, принесли с собой обычай этих генеральных штатов, или парламентов, по поводу которого бывает столько шума, но который очень мало известен. Правда, короли в те времена вовсе не были деспотами, но народ не меньше от этого изнывал в жалком рабстве. Главари этих дикарей, опустошивших Францию, Италию, Испанию, Англию, провозгласили себя монархами; их предводители разделили между собой земли побежденных, откуда и возникли маркиграфы, лорды, бароны – все эти маленькие тираны, зачастую оспаривавшие у своих королей шкуру, сдиравшуюся ими со своих народов. Это были хищные ястребы, сражавшиеся с орлом за право пить кровь голубок; таким образом, каждый народ имел сто тиранов вместо одного господина.

Священники тотчас же вошли в долю. Во все времена уделом галлов, германцев, островитян Англии было подчиняться власти своих друидов и сельских старост – старинной разновидности баронов, однако с менее тираническими наклонностями, чем их наследники. Упомянутые друиды называли себя посредниками между божеством и людьми, они издава-

ли законы, отлучали от культа, осуждали на казнь. Постепенно в правление готов и вандалов их власть сменилась властью епископов. Во главе епископов встали папы и с помощью своих бреве, булл и монахов заставили трепетать королей; они их низлагали, подсылали к ним убийц и вытягивали из них все деньги, которые можно было получить от Европы. Слабоумный Инас, один из тиранов английской гептархии, был первым, кто во время паломничества в Рим обязался платить динарий святого Петра (в переводе на нашу монету это было примерно одно экю) за каждый дом на своей территории. Весь остров тотчас же последовал этому примеру; Англия мало-помалу превратилась в провинцию папы, святой отец посылал туда время от времени своих легатов, чтобы взимать там непомерные подати. Иоанн Безземельный в конце концов в приличной форме уступил свое королевство его святейшеству, который отлучил его от церкви; бароны же, не усмотрев в этом для себя выгоды, изгнали этого жалкого короля и посадили на его место Людовика VIII, отца Людовика Святого, короля Франции; однако очень скоро они разочаровались в этом новоявленном короле и заставили его уплыть восвояси.

* * *

В то время как бароны, епископы, папы раздирали таким образом на части английскую землю, на которой все они хо-

тели повелевать, народ — самая многочисленная, более того, самая добродетельная, а следовательно, и самая достойная часть человечества, — народ, состоящий из правоведов и ученых, негоциантов и ремесленников, одним словом, из всех тех, в ком нет ни капли тиранических устремлений, рассматривался всеми этими господами как стадо животных, подчиненное человеку.

Менее всего тогда общины могли участвовать в управлении, они считались презренной чернью: их труд, их кровь принадлежали их господам, именовавшим себя знатью. Самая многочисленная часть человечества была тогда в Европе тем, чем она и посейчас является во многих северных странах, — крепостными сеньора, неким родом скотины, продаваемой и покупаемой вместе с землей.

Понадобились столетия, чтобы человечеству была отдана дань справедливости, чтобы был прочувствован весь ужас того, что малое число людей пожинает посев большинства, и не явилось ли счастьем для рода человеческого то, что власть этих мелких грабителей была подавлена во Франции легитимным владычеством наших королей, а в Англии — легитимным господством королей и народа?

Счастливым образом в потрясениях, вызванных в империях спорами королей и вельмож, оружие народов до некоторой степени притупилось; свобода родилась в Англии из споров тиранов, бароны вынудили Иоанна Безземельного и Генриха III даровать знаменитую Хартию вольностей, непосред-

ственной целью которой было на самом деле поставить королей в зависимость от лордов, но согласно которой остальная часть нации получила некоторые поблажки, с тем чтобы при случае она приняла сторону своих так называемых покровителей.

Эта великая Хартия, рассматриваемая как священный принцип английских свобод, сама позволяет понять, сколь мало тогда была знакома свобода. Одно только ее заглавие доказывает, что король приписывал себе абсолютные полномочия, а бароны и духовенство даже не пытались заставить его отречься от этого пресловутого «права», поскольку высшее могущество принадлежало им.

Вот как начинается великая Хартия: «Мы жалуем по нашей свободной воле следующие привилегии архиепископам, епископам, аббатам, приорам и баронам нашего королевства» и т. д.

В параграфах этой Хартии не сказано ни единого слова о палате общин доказательство того, что ее не было еще и в помине или же что она существовала, не обладая никакими полномочиями. Здесь содержатся оговорки в отношении свободных людей Англии – печальное указание на то, что были среди них и другие. Из параграфа 32 видно, что эти так называемые «свободные» были обязаны работать на своих господ. Подобная свобода еще сильно пахла рабством.

Согласно параграфу 21, король повелевает, чтобы его служащие впредь не смели насильно и бесплатно отнимать ло-

шадей и повозки у свободных людей, и это предписание показалось народу воистину свободой, ибо оно избавляло его от более тяжкого произвола.

Генрих VII, удачливый узурпатор и великий политик, делавший вид, что он любит баронов, на самом же деле ненавидевший их и боявшийся, решил позаботиться об отчуждении их земель. С этого момента чернь, постепенно составлявшая себе своими трудами состояния, стала покупать замки знаменитых пэров, разорившихся из-за своих безумств. Мало-помалу все земли сменили своих хозяев.

Палата общин становилась со дня на день все более могущественной, древние семьи пэров со временем вымерли, и, поскольку в соответствии с буквой закона знатю в Англии считаются только пэры, в этой стране совсем не осталось бы аристократии, если бы короли время от времени не создавали новых баронов, сохраняя таким образом, сословие пэров, которого они некогда так страшились, дабы противопоставить его сословию общинников, ставшему весьма ненадежным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.